

C. M. ТОЛСТАЯ

**Чистая правда : к семантической
реконструкции слав. *čist-**

estratto da:

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

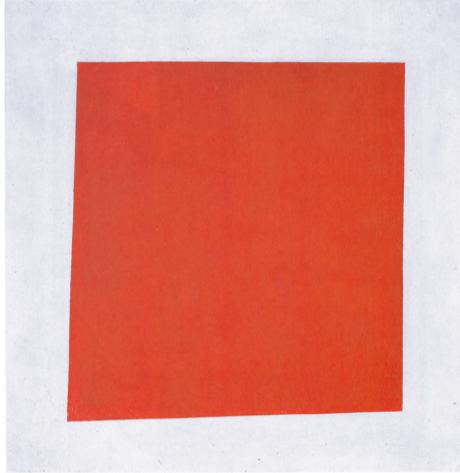
forma formans

Studi in onore di **Boris Uspenskij**

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

I I

M. D'AURIA EDITORE

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

forma formans

Studi in onore di Boris Uspenskij

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

II

M. D'AURIA EDITORE

Volume pubblicato con il contributo del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale e del Fondo di ricerca di Ateneo 2009 dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale".

ISBN: 978-88-7092-303-2

© 2010 M. D'AURIA EDITORE
Calata Trinità Maggiore 52-53
80134 Napoli
tel 081.5518963 fax 081.19577695
www.dauria.it
info@dauria.it

С. М. ТОЛСТАЯ

**Чистая правда : к семантической
реконструкции слав. *čist-**

Выражение *чистая правда* обычно понимается как ‘полное соответствие действительности, без каких-либо искажений и добавлений’ (ср. *голая правда*), а *чистый вымысел* – как ‘абсолютный вымысел, не имеющий ничего общего с действительностью’. В обоих случаях мы имеем дело с семантикой предельности (ср. в том же значении *истинная правда, суцья правда, полный вымысел, суцций вымысел* и т.п.), однако связь этого значения с исходным, прямым значением прилагательного *чистый* кажется недостаточно мотивированной. Для того чтобы объяснить смысл и мотивировку русских выражений *чистая правда* или *чистый вымысел* (аналогичные выражения известны и другим славянским языкам), необходимо рассмотреть весь спектр значений праславянского *čist- и определить место значений, представленных в данных выражениях, в общей семантической структуре этого гнезда.

Самый общий обзор семантики гнезда *čist- и наиболее полный перечень значений, засвидетельствованных в славянских языках и диалектах, дает «Праславянский словарь» под редакцией Ф. Славского [SP 2: 212-217]; все дополнения, которые могут быть сделаны на основе источников, появившихся после выхода в свет этого словаря (новых диалектных и исторических словарей), практически не расширяют данного в нем набора значений, а лишь подтверждают и уточняют выделенные значения или приводят новые показательные контексты. Подавляющее большинство этих значений оказывается общим для всех славянских языков, что свидетельствует об общности путей и механизмов семантической деривации и силе семантического потенциала исходного праславянского слова. Однако словарь Славского содержит лишь перечень значений без какой бы то ни было систематизации и истолкования связи разных значений друг с другом.

Задача семантической реконструкции состоит в том, чтобы согласовать между собой все реально зафиксированные значения слова, т.е. объяснить мотивационные отношения между ними, восстановить последовательность и механизм семантических переходов, приведших к появлению того или иного конкретного значения. В случае слав. *čist- необходимо найти объяснение сосуществованию в рамках одного этимологического гнезда таких разных и интуитивно не связанных между собой значений, какие мы встречаем, например, в выражениях *чистая скатерть, чистое поле, чистая работа, чистая биография,*

нечистая сила, зачистка и т.д. Самой общей ссылки на метафоризацию (ср. характерную словарную помету *перен.* «переносное») здесь явно недостаточно. Переносы «по сходству» бывают самыми разными, как различны и сами сходства – как по степени, так и по «качеству» (т.е. по признаку уподобления).

Метафорический перенос как способ семантической деривации может быть обусловлен не только когнитивным фактором (восприятием, категоризацией и номинацией разных объектов действительности сквозь призму их сходства по тем или иным признакам), но и собственно языковым – существующими в языке семантическими моделями, т.е. некоторыми регулярными типами отношений между значениями многозначного слова (моделями регулярной многозначности). Одной из таких моделей, определяющих семантическую структуру большой серии лексических единиц, является модель каритивности (от лат. *caritas* ‘недостаток, скудость’), о которой мне уже приходилось писать в связи с анализом таких слов, как *сухой, пресный, пустой, слепой* и др. [Толстая 2008: 50-98]. Слова, принадлежащие к категории каритивов, т.е. выражающие значение отсутствия, нехватки, недостачи чего-либо, обнаруживают сходную структуру многозначности и одинаковый способ семантической деривации (порождения вторичных значений). Их вторичные (производные) значения образуются путем замещения исходного каритивного компонента (как правило, предметного) каким-то другим компонентом (предметным или абстрактным). К числу каритивов принадлежит и интересующее нас прилагательное *чистый*. Его исходный каритивный компонент (предмет отсутствия) – грязь, пыль, мусор и т.п. (ср. *чистая скатерть, чистый двор*) – во вторичных значениях (употреблениях, контекстах) может замещаться разнообразными сущностями, например, растительностью (*чистое поле*), облаками (*чистое небо*), виной, грехами (*чистая совесть*) и т.д. Неизменной остается лишь сама семантика каритивности.

Семантические свойства каритивов определяются не только значением каритивного компонента (того, что отсутствует в определяемом объекте), но и оценкой самого факта отсутствия: оно может восприниматься как аномалия, оцениваться отрицательно и порождать соответствующие аксиологически окрашенные значения (ср. *кривая вера, кривой ‘черт’, пустые слова, слепой шрифт* и т.п.), а может считаться аксиологически нейтральным или положительным (ср. *сухой воздух, пресное тесто* и т.п.). В отличие от других каритивов, *чистый* получает преимущественно позитивную оценку (*чистое сердце, чистый голос, чистый воздух* и т.п.), соответственно отсутствующий (каритивный) компонент (грязь, инородные примеси, грехи и т.д.) оценивается отрицательно; реже *чистый* несет в себе отрицательную оценку, ср. рус. сиб. «Чист молодец – ни коров, ни овец» (о том, у кого ничего нет) [СРГС 5: 297]. Существенно также то, является ли свойство присущим объекту по природе (ср. *сухой климат, чистая вода, чистое золото*) или же оно результат или продукт некоторых действий, обработки и т.п. (ср. *сухие фрукты*, диал. *чисть* ‘вырубка в лесу’ [Деудино 1969: 598]; словац. диал. *čistidlo* ‘плацента’, ср. о родах *čistit’ sa*: «*Krava sa čisti*» [SSN 1: 266]).

Круг реалий, отсутствие которых сообщает объекту свойства *чистого*, весьма широк, но преобладающими среди них оказываются 1) грязь, пыль, сор и 2) различные инородные элементы. Этими двумя сферами определяются два главных, исходных значения *чистого* (условно «гигиеническое» и «физическое»), присущих всем славянским языкам и диалектам и приводимых обычно на первых двух позициях в словарях. Они же составляют два главных центра иррадиации, откуда проистекают остальные, производные значения *чистого*. Различие между «гигиеническим» и «физическим» пониманием чистоты заключается в том, что первое относится к человеческой сфере в широком смысле, оно изначально связано с оценкой (чистота в гигиеническом смысле всегда позитивна) и потому становится источником всех дальнейших этических и эстетических значений, тогда как второе (физическое) носит более широкий характер, не ограничивается миром человека и в аксиологическом отношении скорее нейтрально, приобретая позитивный или негативный оттенок лишь в определенных контекстах и при определенной денотативной соотнесенности.

В гигиеническом смысле чистым может быть человек телесный, его одежда, жилище, утварь и т.п. Соответственно *чистить* в этом смысле (т.е. каузировать гигиеническую чистоту) соотносится, с одной стороны, с понятием мытья, чистки, уборки, опрятности, с другой стороны – с понятием грязи, пятен, пачканья, порчи, беспорядка и т.п. Метафора чистоты-нечистоты (грязи) – одна из самых продуктивных в сфере морали вообще и религиозной этики в частности (ср. *незапятнанная репутация, грязные помыслы, моральная нечистоплотность* и т.п.). В средневековой книжной традиции *чистый* понимается прежде всего в религиозно-этическом смысле (о «физических» значениях будет сказано ниже), как ‘непорочный, безупречный, праведный, целомудренный’, ср. ст.-слав. **БЛАЖЕНИ ЧИСТИ СРЪДЦЕМЪ, ВЪРА ЧЪСТА И НЕСКВЪРЪНА, ЧИСТЪ** ‘святой, почтенный, честный’: **ЖИТИЕ ЧЪСТО ПОЩЕНИМЪ СЪТЪЛЪЗЪВЪ; ЧИСТЪ** ‘праведно’; **ЧИСТИЛИЩЕ** ‘святилище’; **ЧИСТИТЕЛЬ** ‘священник’; **ЧИСТИТИ** ‘очищать’, ‘освящать’ и т.п. [SJS 4: 873-875]; др.-рус. **нечистота** ‘нечистота, грязь’, ‘скверна, мерзость, порок’, ‘запрещенная религиозным обычаем пища’, **нечистый** ‘нечистый, загрязненный’, ‘скверный, порочный, греховный’, ‘непристойный, бесстыдный’, ‘оскверненный’, ‘неочистившийся (о женщине)’, ‘запрещенный в пищу религиозным обычаем’, ‘нечестивый’, ‘неразрешенный, запрещенный’ [СДРЯ 5: 393-394]. Каритивный компонент может получать при этом эксплицитное выражение, ср. в старославянском характерное управление: **ЧИСТЪ ЧЕСО, ОТЪ ЧЕСО – ОТЪ ВСЕГО ТОГО ЗА ЧИСТЪ СЫ; ДА ЧИСТЪ БЪДЕТЪ ГНЪВА** [SJS 4: 874]; ст.-чеш. *čist niti* ‘голый, на ком нет ни нитки, т.е. ничего из одежды’ [Gebauer 1970: 1, 181]. Этическое значение *чистого*, в котором каритивным компонентом является грех, порок, зло, нечто запрещенное религиозными и моральными нормами, относится к наиболее устойчивым во всех славянских языках и может характеризовать как самого человека (*чистый человек*), так и его внутренний мир, мысли, чувства, поведение, образ жизни, сближаясь с такими понятиями, как честность, благочестие,

благонравие, порядочность и т.п. Высшее проявление моральной и религиозной чистоты связывается с сакральным началом, ср. ст.-слав. *чистота дѣвница марина* [SJS 4: 873]; словац. *čistá jak Paňenka Marija* [SSN 1: 268].

Представления о телесной и моральной чистоте человека объединяются в понятии ритуальной чистоты, имеющей три главных аспекта – физиологический, сексуальный и пищевой. В физиологическом смысле нечистыми в традиционной культуре считаются женщины в период месячных или послеродовых очищений; в этом состоянии они подвержены многим ограничениям: им запрещается печь хлеб, собирать плоды, совершать магические обряды (например, обходы села, опахивание и т.п.), изготавливать ритуальные предметы (например, обыденное полотно), крестить детей, прощаться с покойником и т.п.; подробнее см. в работах Т. А. Агапкиной [1996] и Т. А. Листовой [1996]. Из-за «нечистоты» женщин детородного возраста многие ритуальные роли поручаются детям, девушкам или женщинам, вышедшим из репродуктивного возраста, которые считаются «чистыми»: ср. чеш. диал. *čistota* ‘девственность, невинность’: «*Umažanej mluví nejvíc vo čistoti*» (поговорка) [КЧДС]; пол. диал. *czystość, czystota* ‘то же’ [SGP 5/14: 256]; рус. смолен. *чистая* ‘о женщине, у которой прекратилась менструация’: «Года два нъ рубашки ни ймею. Чистыя я» [ССГ 11: 111]. Нечистыми в традиционной культуре считаются беременные женщины, роженицы в течение сорокадневного периода, до совершения очистительного церковного обряда, а в ряде случаев женщины вообще. В сексуальном смысле, согласно традиционным верованиям, нечистыми становятся как женщины, так и мужчины после половых сношений (ср. запрещение им входить в церковь), напротив, ритуальная чистота приписывается вдовам, не причастным к сфере сексуального [Гура, Кабакова 1995]. Ср. еще ст.-укр. *чїстого ложа* ‘о законнорожденном, рожденном в браке’ [ССУМ 2: 544].

Пищевой аспект ритуальной чистоты связан с представлением о посте и постной пище (ср. широко распространенные хрононимы *Чистый понедельник* ‘первый день Великого поста’, *Чистый четверг* ‘четверг на Страстной неделе’, серб. *чиста неђеља* ‘первая неделя Великого поста’, когда соблюдается строгий пост и совершаются специальные очистительные обряды – мытье, уборка и т.п.), которые противопоставляются «скоромному» времени и скоромной пище, понимаемым как нечистые и сопряженным с отрицательными коннотациями. Ср. названия опасного времени святок у южных славян: болг. *мръсни дни, мръсни вечери, мръсници* (букв. грязные, нечистые – от *мърся* ‘пачкать, грязнить’, ‘осквернять’, ‘есть скоромное’), *погани дни, поганото, поганци* и др., серб. *мрсни дани, некрште ни дани, нечастивици, нечисти дани* и т.п. (ср. рус. диал. *скоромный* ‘непристойный’, *скоромные речи* ‘непристойные’, *скоромник* ‘кто скоромно говорит’ [Даль 1903-1909: 4, 209-210]). Чистым и нечистым в ритуальном смысле может быть также место, ср. укр. диал. *чистий плац* ‘площа під хату, на якій не похована нешлюбна дитина’ (место для строительства дома, на котором не погребен внебрачный ребенок) [Онишкевич 2: 370]. *Чистый* применительно к пище может означать

‘съедобный’: рус. перм. *чистый гриб* ‘неядовитый, съедобный’ [Прокошева 2002: 91]; печор. «Фсе хишшьные птицы нечисты; которые съедобные – это чистые птицы», «Нецисты птицы: теглѣнки, вороны, хилин; поганы не улетают, а цисты птицы фсе улетают: утки, гуси, лебеди» [СРГНП 2: 425]. Ср. еще рус. волог. *чистая вода* – ‘вода, которую заговаривали и использовали для лечения’: «Раньше все болезни только чистой водой лечили» [СВГ 12: 48].

Чистота в физическом смысле соотносится совсем с другим кругом понятий – с идеей однородности, отсутствия примеси, свободы от лишнего, дополнительного и привнесенного. По определению Даля, *чистый* – «без примеси, ровный и сам по себе» [Даль 1903-1909: 4, 1349], ср. *чистое золото*, *чистокровный*, *чистобурый конь* ‘без отметин’, *чистое небо* ‘без облаков’, *чистый звук* ‘без шумов и помех’, смолен. *чистина* ‘пустое, открытое место’: «Пысыряди двыра чистина» [ССГ 11: 112] и т.д. Каритивный характер *чистого* усиливается в его глагольном деривате – каузативе *чистить* (‘делать чистым’), основное значение которого ‘устранять что-л., освобождать от чего-л.’, ср. рус. *чистить лес* ‘вырубать, жечь’, *чистить жеребчика* ‘холостить’ [Даль 1903-1909: 4, 1348], волог. *чистить* ‘полоть’: «Спину-то не разогнуть: с утра всё грядки чистила» [СВГ 12: 46]; укр. диал. *чистити* ‘кастрировать’: «Тра веприка вже чистити, бо мн’асо буде смердіти» [Аркушин 2000: 2, 254]; рус. простореч. *обчистить* ‘обокрасть’, с.-х. *чистити* ‘красть’: «Једни [лопови] су чистили овјенак, а други чували на возу» [РСХКJ 6: 884], рус. диал. *чистить* ‘истреблять, уничтожать’: «Муж мой чистил бандеров в Литве» [Прииртыше 3: 315], ср. также в советском узусе *чистка в партии* (освобождение от инакомыслящих, враждебных, чуждых элементов) или современное понятие *зачистка* (военная операция по обезвреживанию боевиков).

В семантике этого типа каритивность проявляет себя особенно ярко, поэтому и набор каритивных компонентов (того, что именно отсутствует в *чистом*) оказывается большим и более разнообразным, чем в «гигиеническом» типе. Соответственно и число носителей признака «чистый» в этом случае практически безгранично – *чистыми* могут быть локусы (природные и «человеческие»), предметы (как природные, так и артефакты) в самых разных отношениях, абстрактные сущности (ментальные, психические, эмоции, состояния и т.п.), наконец, человек в его разнообразных ипостасях. Приведем только некоторые, наиболее типичные примеры, не претендуя на полноту, заведомо здесь недостижимую.

Во всех славянских языках *чистый* применительно к локусам может означать отсутствие (как естественное, так и достигнутое специальными действиями) растительности, деревьев: рус. *чистое поле*; ряз. *чистина* ‘поляна, открытое место’ [Деулино 1969: 598], смолен. *чистик* ‘просека, поляна в лесу’ [ССГ 11: 112], карел. *чисть* ‘не заросшее лесом место’ [СРГК 6: 795]; с.-х. *чистина* ‘свободное открытое пространство’ [РСХКJ 6: 883] и т.п. *Чистый* может подразумевать полное отсутствие чего-либо в некотором пространстве и сближаться с семан-

тикой *пустого*, ср. рус. сиб. *чистая деревня* 'пустая, безлюдная': «Вся чистая деревня – мы попрятались» [СРГС 5: 289]; болг. «Чисты яслы, празды хамбари» [Геров 1895-1904: 5, 556]. При этом состояние «чистоты» может оцениваться положительно или нейтрально (вырубленное место в лесу, неисписанный лист бумаги), а может восприниматься как недостача, ущерб, лишение, опустошение (пустые амбары). Ср. еще в отрицательном смысле *быть чистым* 'не иметь денег': чеш. диал. «*Ja sem dnes čistuj jako lípa (= bez krejcaru)*» [КЧДС]; словац. диал. «*Ja som čist*» 'без денег' [SSN 1: 267]; чеш. диал. «*Su čistě jako slovo boží*» (букв.: Они чисты, как слово божье, т.е. бедны, ниимущи) [КЧДС]; рус. печор. *чистый* 'лишенный имущества': «Чистыми остались мы на худы годы» [СРГНП 2: 426-426]; перм. *вылупить на чисту полянку* 'оставить без средств к существованию' [Прокошева 2002: 418]; в ряде языков и диалектов *чистое яйцо* – 'яйцо без зародыша': бел. тур. *чыстэ яйцэ* [ТС 5: 308]; пол. *czyste jajko* [SGP 5/14: 259]; чеш. диал. «*Sedmnáct vajec bylo čistejch, tak si to spočítejte!*» («Семнадцать яиц было чистых, вот и считайте!») [КЧДС]; словац. диал. *čiste vajca* [SSN 1: 267].

В большинстве случаев, однако, каритивный компонент *чистого* мыслится как нечто инородное, избыточное, вредное, требующее устранения, соответственно семантика *чистого* приобретает позитивный или нейтральный характер. К устойчивым контекстам *чистого* относятся во всех языках определения металлов (*чистое золото, чистое серебро*, ср. то же с другим каритивом: болг. *сухо злато*, с.-х. *суво злато*), обмолоченного и провеянного зерна (*чистая пшеница*), муки без примесей (*чистая мука*), очищенного и отрепанного льна (рус. *лен чистец*; бел. диал. «*Быў лён чысты, без кастры*» [СПЗБ 5: 444]), однородной, без примесей пряжи (*чистая шерсть*), очищенных от веток и сучьев деревьев (рус. сиб. *чистяк* [СРГС 5: 299]), натурального, не разбавленного водой вина (*чистое вино*), свободного от облаков неба (*чистое небо*), ясной погоды (сев.-рус. *чистая погода*), однородного тона цвета и масти (*чисто-белый, чисто-красный* и т.п.), гладкой (без узоров, рисунка) ткани (пол. *czysty materiał*, бел. *чысты пояс*); не смешанного происхождения человека или породы животного (*чистокровный*), здоровой кожи (*чистая кожа* 'без парши, бородавок, прыщей и т.п.', ср. *чистотел* 'трава, употребляемая в народной медицине для очищения кожи'); соответствующей норме и свободной от неправильностей и ошибок речи (*чистая речь, чистый выговор, чистописание, чисто говорить* на каком-л. языке и т.п.); тщательно, в соответствии с правилами, выполненной работы (*чистая работа*); не обремененного долгами предприятия или имущества (словац. диал. *čistí majetek* [SSN 1: 267]); оставшегося в конечном результате дохода (*чистый доход, выигршии, прибыль, чистоган*), времени (*чистое время* 'без учета остановок'), веса (*чистый вес* 'без учета упаковки и т.п.');

свободного от препятствий и преград пути (ст.-укр. *путь чисть* 'свободный проход, проезд' [ССУМ 2: 278]); безопасности (ст.-слав. *чистота* 'безопасность': *БЕСПЕЧАЛЬСТВНИК И ЧИСТОТОУ НАМЪ ВЕЪЩА СЛОВО Б(О)ЖИК* [SJS 4: 872]); невинности (*чист перед кем-либо*); откровенности (рус. *говорить начистоту* 'без обиняков, без утайки'; дон. *выложить на чистую*

душу, гутарить по чистой 'то же' [СРАГ 1: 88, 120]) и т.п.

Дальнейшая семантическая деривация приводит к абсолютизации этой позитивной оценки и трактовке *чистого* как соответствующего норме, правильного, образцового, хорошего, лучшего, настоящего (часто в сравнении с чем-то ненормативным, несовершенным, второсортным); при этом каритивный компонент (то, что отсутствует) теряет определенность или вообще устраняется. Ср. рус. *чистый пол* 'верхний' (он же *белый*) в противоположность нижнему (*черному*) полу; смолен. *чистый мост* 'верхний настил половых досок' [ССГ 11: 112]); *чистая изба* 'с трубой, не курная' (ср. *черная изба* 'курная') [Даль 1903-1909: 4, 1350, 1358]; *чистый* 'лучший (о беличьих шкурках)', *почище* 'получше', «Путь вам чистый!» (на дорогу) [Даль 1903-1909: 4, 1350-1351] (ср. пожелание «Счастливого пути!»); ряз. *в чисте жить* 'благополучно, в достатке': «Вы хоть пьживёте ф чисте» [Деулино 1969: 598]; бел. диал. *чысты* 'здоровый': «Я чыстая стала, да расправілась, да поўная» [Янкова 1992: 415] (ср. ст.-словац. *čistiť* 'лечить': «Krisztus malomocných čistyl» [HSSJ 1: 217]); рус. карел. *чистый* 'красивый, изящный': «Она вся на ходу, такая ходоватая женщина, она чище всех» [СРГК 6: 795]; пол. диал. *czysty* 'красивый, прекрасный': «Czysty trzy panny», «Straśnie cyste jabka», «Ubiór cysty» [SGP 5/14: 260]; рус. сиб. *чистобай* 'о том, кто хорошо, красиво говорит' (ср. *краснобай*), *чисто* 'хорошо, отлично': «Он алтайский язык чисто знает» [СРГС 5: 297]; бел. диал. *чысты* 'верный, надежный': «Самэ чыстэ дзело – зварыў, зжарыў да з'ёў свежы грыб» [ТС 5: 307].

Каритивная семантическая модель, допускающая мену каритивного компонента (того, что отсутствует) и далее полное его устранение, закономерно приводит к появлению у многих каритивов семантики интенсивности, предельного проявления сущности определяемого предмета. В этих значениях *чистый* обнаруживает особую близость к «абсолютному» каритиву *пустой* [Толстая 2008: 94-95] – во многих контекстах и употреблениях они оказываются взаимозаменяемыми, несмотря на противоположные векторы их оценочной семантики. Показательным признаком отрыва от конкретной денотативной соотносительности каритивов и утраты ими номинативной функции является их употребление в функции наречий степени и далее – частиц и союзов. Ср. рус. дон. *чисто* 'совершенно, совсем': «У нас все чиста козы пуховый» [СРАГ 3: 194]; карел. *чисто* 'сильно': «У меня шум в ушах еще чище с аппаратом» [СРГК 6: 794] (ср. *пуще*); перм. *чисто* 'совершенно, совсем': «Ноне зима-то шибко морозная была, чисто всю воду заморозило и в ведрах, и на улице – везде» [СПГ 2: 532]; до *чисточки*, до *чистечка* 'все, до последнего, дочиста': «В войну-то, бывало, всё до чисточки уберём, весь хлеб. А теперь-то половина на полях остаётся» [Прокошева 2002: 418]; волог. *чисто* 'совершенно, совсем': «Чисто пауты заели», 'без остатка, полностью': «Здись-то топерь всё чисто выпили, дак поехали пить вино в другую деревню» [СВГ 12: 47]; пск. *чисто* 'то же': «Чисто зря, чисто зря!» [Королева 2000: 114]; брян. *чисто* 'то же': «Усе чыста папаели» [Расторгуев 1973: 285]; сиб. *чисто* 'то же': «Стары, дак никому чисто не нужны» [СРГС 5: 297]; укр.

чисто 'полностью': «Вибрав усю чисто воду» [Гринченко 1907-1909: 4, 464]; бел. диал. *чысто, чыста* 'то же': «Дзярэўні былі чыста ў лясу» [СПЗБ 2: 443]. Ср. еще рус. разгов. *подчистую, вчистую, начисто, (получить) чисто*ганом (о деньгах) в значении 'совершенно, в полной мере, до конца'. Аналогичные значения имеет наречие (частица) *чисто* в других славянских языках, ср. словац. диал. *čisto* 'целиком, полностью': «*Maďare cisto od'išl'i*», *na čisté čisto, do čista čisteho, na čisto* 'то же' [SSN 1: 267], чеш. диал. *na čisté čisto* 'то же': «*Na čisté čisto je hlupý*» (Он полный дурак) [КЧДС].

Семантика предельности может иметь как максимальное ('весь, полностью, совершенно'), так и минимальное ('один лишь, только, всего лишь, исключительно') измерение, ср. рус. сиб. *чисто* 'только, лишь': «Щас кто у нас остался из наших? – Костя чисто, остальных всех на войне поубивало» [СРГС 5: 297]; ряз. «Йа йаво кармила чистым хлепцам» (т.е. одним только хлебом) [Деулино 1969: 598]; чеш. *čistě* 'только, исключительно': «*To je čisté moje věc*» (Это исключительно мое дело) [ČRS 1: 100].

Одним из распространенных значений *чистого* оказывается значение полного сходства, подобия, которое может выражаться как прилагательным ('такой же, как; настоящий, вылитый'), так и сравнительным союзом ('точно, как будто, словно'), ср. рус. урал. *чистый* 'полностью подобный кому-л., чему-л.': «Не старуха, а чиста кареньга» [СРГСУ 7: 33]; волог. *чистая лешачиха* (букв.: прямо как лешачиха – об очень неаккуратной, неопрятной женщине) [СВГ 12: 48]; ряз. *чистый* 'то же': «Буря – прямо ураган чистый», *чисто* 'словно, будто, совсем как': «Ты чисто ходиш нишний з баникъм» [Деулино 1969: 598]; сиб. «А молоко-то там дают, чисто вода» [СРГС 5: 297]; бел. диал. «Як чысты паляк гаворыць – ня поймяш» [СПЗБ 5: 444], тур. *чысты* 'вылитый': «Чысты бацько, у бацька удаўса» [ТС 5: 308]; чеш. диал. «*Ty si mi čistyj ženich!*» (Ты у меня прямо настоящий жених), «*Náš general byl čistéj chlap*» (Наш генерал был чистой воды мужик) [КЧДС].

Во многих значениях *чистый* оказывается синонимичным другим каритивам, ср. *всухую* и *подчистую*; *почище* и (еще) *пуще*; с.-х. *пресна лаж* и рус. *чистая ложь*; чеш. *čistý čaj* и рус. *пустой чай* (без сахара); рус. *чистое золото* и серб. *суво злато* (букв.: сухое золото); рус. диал. *чистый хлеб* и *сухой хлеб* 'один лишь хлеб' [КСРНГ], чеш. диал. *suchý chl'eb* 'то же' [КЧДС]; пол. *wyjść na czysto* [SJPД 1: 1189] и *wyjść na sucho* 'выйти сухим из воды' [SJPД 8: 894]; словен. *biti suh* 'не иметь денег' [SSKJ 4: 1005], чеш. диал. *být na suchu* 'то же' [Zaorálek 1963: 374] и словац. *byť čistý* 'не иметь денег' [SSJ 1: 214], диал. «*Ja som čist*» (У меня ни гроша) [SSN 1: 267]; словац. диал. *má čistú hlavu* (букв.: у него чистая голова) 'о трезвом человеке' [там же] и рус. диал. *на суху* 'то же' [КСРНГ] и др.

Возвращаясь к выражению *чистая правда*, употребительному во всех славянских языках, можно констатировать, что оно связано мотивационными отношениями как с каритивной линией семантической деривации (благодаря коннотативному смыслу 'правда без прибавлений и искажений'), так и с линией

«интенсивности» (ср. *суцая правда*), в отличие от выражения *чистый вымысел*, где *чистый* не обнаруживает каритивной составляющей в своем значении и может быть определен как ‘полный, совершенный’. Отметим еще, что в средневековых текстах встречается **ЧИСТИНА** в значении ‘правда, истина’, **ВЪ ЧИСТИНѢ**, по **ЧИСТИНѢ** ‘поистине, действительно’ [SJS 4: 871], которое позволяет трактовать выражение *чистая правда* как тавтологическое с усилительным акцентом (ср. *истинная правда*).

Сокращения

- КСРНГ - *Картотека Словаря русских народных говоров*. С.-Петербург.
- КЧДС - *Картотека чешского диалектного словаря*, Институт чешского языка, Брно.
- РСХКЈ - *Речник српскохрватског књижевног језика*, књ. 1-3 (Нови Сад, Загреб, 1967-1969); књ. 4-6 (Нови Сад, 1971-1976).
- СВГ - *Словарь вологодских говоров*, вып. 1-12, Вологда, 1983-2007.
- СДРЯ - *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, т. 1, М., 1988.
- СПГ - *Словарь пермских говоров*. Пермь, Вып. 1 (А-Н), 2000, Вып. 2 (О-Я), 2002.
- СПЗБ - *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, т. 1-5. Мінск, 1979-1986.
- СРГК - *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд, вып. 1-6, СПб., 1994-2005.
- СРГНП - *Словарь русских говоров Низовой Печоры*, т. 1-2, СПб., 2003-2005.
- СРГС - *Словарь русских говоров Сибири*, т. 1-5, Новосибирск, 1999-2006.
- СРГСУ - *Словарь русских говоров Среднего Урала*, т. 1-7 (Свердловск, 1964-1988), дополнения (Екатеринбург, 1996).
- СРДГ - *Словарь русских донских говоров*, т. 1-3, Ростов-на-Дону, 1975-1976.
- ССГ - *Словарь смоленских говоров*, вып. 1-11, Смоленск, 1974-2005.
- ССУМ - *Словник староукраїнської мови XIV-XV ст.*, т. 1-2, Київ, 1977-1978.
- ТС - *Тураўскі слоўнік*, т. 1-5, Мінск, 1982-1987.
- ČRS - *Česko-ruský slovník. Чешско-русский словарь*, т. 1-2, Praha, Москва, 1973.
- HSSJ - *Historický slovník slovenského jazyka*, т. 4, Bratislava, 1995.
- SGP - *Słownik gwar polskich*, т. 1, z. 1, Wrocław etc., 1979.
- SJS - *Slovník jazyka staroslovenského*, т. 1-4, Praha, 1966-1997.
- SP - *Słownik prasłowiański*. Pod red. F. Sławskiego, т. 1, Wrocław etc., 1974.
- SSJ - *Slovník slovenského jazyka*. Red. Š. Peciar, d. 1-6, Bratislava, 1959-1968.
- SSKJ - *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, knj. 1-5, Ljubljana, 1970-1991.
- SSN - *Slovník slovenských nářečí*, т. 1, Bratislava, 1994.

Литература

- АГАПКИНА 1996 - Т. А. Агапкина, "Славянские обряды и верования, касающиеся менструации", в изд. *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Сост. А. Л. Топорков, М., 103-150.
- АРКУШИН 2000 - Г. Аркушин, *Словник західнополіських говірок*, т. 1-2, Луцьк.
- ГЕРОВ 1895-1904 - Н. Геров, *Речник на българския език*, ч. 1-5, Пловдив.
- ГРИНЧЕНКО 1907-1909 - Б. Д. Гринченко, *Словарь украинского языка*, т. 1-4, Киев.
- ГУРА, КАБАКОВА 1995 - А. В. Гура, Г. И. Кабакова, "Вдовство", в изд. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под ред. Н. И. Толстого, т. 1, М., 293-297.
- ДАЛЬ 1903-1909 - В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, СПб, изд. 3.
- ДЕУЛИНО 1969 - *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)*. Под ред. И. А. Оссовета, М.
- КОРОЛЕВА 2000 - Е. Е. Королева, *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*, ч. 2, Даугавпилс.
- ЛИСТОВА 1996 - Т. А. Листова, "«Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа", в изд. *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Сост. А. Л. Топорков, М., 151-174.
- ОНИШКЕВИЧ 1984 - М. Й. Онишкевич, *Словник бойківських говірок*, ч. 1-2, Київ.
- ПРИИРТЫШЬЕ - *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*. Под ред. Г. А. Садретдиновой, т. 1-3, Томск, 1992-1996.
- ПРОКОШЕВА 2002 - К. Н. Прокошева, *Фразеологический словарь пермских говоров*, Пермь.
- РАСТОРГУЕВ 1973 - П. А. Расторгуев, *Словарь народных говоров Западной Брянщины (материалы по истории словарного состава говоров)*, Минск.
- ТОЛСТАЯ 2008 - С. М. Толстая, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, М.
- ЯНКОВА 1992 - Т. С. Янкова, *Дьялектны слоўнік Лоеўшчыны*, Мінск.
- ГЕБАУЕР 1970 - J. Gebauer, *Slovník staročeský*, d. 1-2, Praha.
- ЗАОРАЛЕК 1963 - J. Zaorálek, *Lidová rčení*, Praha.